

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО

DOI: 10.17805/zpu.2024.2.1

Антимиф «о святом великомученике царе Николае II» и годах его правления

И. М. Ильинский

МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

В статье исследуется личность и политическая деятельность последнего российского императора Николая II. Цель автора — развенчать миф о Николае II как о добродетельном правителе, приведшем страну к процветанию, но мученически погибшем от рук большевиков. Как показывает автор, в действительности российский император был человеком слабовольным, от природы не способным управлять государством. В статье воссоздается психологический портрет Николая II, подробно рассматриваются особенности его внутренней и внешней политики. Показано, что в целом империя при этом государе все же не находилась в зените своего экономического и политического могущества. Поэтому падение дома Романовых в каком-то смысле имело закономерный характер.

Ключевые слова: Россия; Российская империя; дом Романовых; Николай II; русская революция

Трудолюбивая часть крестьян охотно пользовалась дешевыми кредитами, быстро богатели...

Население России, особенно сельской, росло высокими темпами, увеличивалась средняя продолжительность жизни. <...> Богатство России, о чем мечтал еще Ломоносов, динамично стало “прирастать Сибирью”. Алтай, южная Сибирь, Приморье покрылись тысячами зажиточных сел и деревень. <...>

Впервые за всю свою тысячелетнюю историю Россия быстро становилась **процветающей** страной... Промышленное производство увеличилось почти в два раза... Всюду открывались школы, гимназии, реальные и профессионально-технические училища. Страна была завалена продуктами питания, товарами потребления. <...>

Народ был сыт, обут, одет...

А. Н. Яковлев. *Сумерки. М., 2003. С. 86–87*

ВСТУПЛЕНИЕ

Читателю предлагается исторический очерк о Николае II — последнем императоре рода Романовых, который поможет понять, **что** представлял собою Государь всея Руси на самом деле, **как** управлял он величайшей державой мира и **почему** российский народ «отблагодарил» Самодержца тремя революциями и казнью всей царской семьи.

Оценка исторических событий и людей, причастных к ним, дело крайне сложное. Тем более если эти люди относились к разряду вершителей судеб государства, да еще отдалены от нынешних дней на целое столетие. Взявшись за такую работу, автор данного очерка старательно искал самые достоверные источники, что вскоре станет ясно читателю.

Необходимо ответить и на вопрос о том, ради чего я взялся за этот труд, почему продолжаю его в те дни, когда на Украине уже более двух лет идет специальная военная операция (СВО), а по сути дела, мировая война США и НАТО против России с целью ее уничтожения.

«Цели США в отношении России» (так на Западе и в США называли СССР с момента его возникновения) мне известны с 2005 г., когда я составлял сборник совершенно секретных документов американской внешней политики и стратегии Совета национальной безопасности США 1945–1950 гг. (Главный противник ... , 2006: 175–211).

Как в ту давнюю пору, так и сейчас эти цели заключаются в расчленении Российской Федерации на многие части, а затем — в организации множества конфликтов и войн между ними. В конечном счете все это делается ради того, чтобы пользоваться полезными ископаемыми и прочими природными ресурсами, рынком сбыта своих товаров и продуктов на огромной территории, занимаемой ныне Российской Федерацией. Население, люди как таковые их не интересуют.

Однако я, пишущий этот текст, верю в **нашу победу** в данной войне, в продолжение истории человечества. В таком случае народы России, уже народившиеся и будущие поколения России и других стран мира, должны **знать не только корни** российской истории, но и ответ на вопрос: «Почему, кем и как был **уничтожен СССР** — **Союз Советских Социалистических Республик** — **мощнейшая мировая супердержава?**» Если бы этого не произошло, нынешней мировой войны, поставившей человечество на грань ядерного уничтожения, не случилось бы.

Вот почему, затеяв около 15 лет назад исследование причин и «субъектов» «перестройки» СССР, в результате которой он был уничтожен, я до сих пор продолжаю свою работу.

Нельзя не понимать, что для новых поколений прошлое затуманивается дымкой неопределенности, **порождаемой мифами современности.**

Беспристрастных мифов не существует. Миф — это **особый вид оружия**, используемый в информационно-психологической войне между противоборствующими слоями общества, государствами или группами стран за обладание сознанием и поведением народа противной (вражеской) стороны.

Именно с помощью политических мифов со стороны США и Западной Европы на протяжении десятков лет и была оболванена часть населения, прежде всего «творческой интеллигенции» и молодежи СССР.

Оставляя в стороне все еще вяло продолжающиеся дискуссии на тему, почему «распался», «развалился», «самораспустился» СССР, скажу определенно и резко:

никакой самопроизвольности в исчезновении СССР с политической карты мира не существовало: Союз Советских Социалистических Республик был **уничтожен** по замыслам с внешней стороны (США) и стран Запада в союзе с «пятой колонной» — изнутри. Вера в «распад», самопроизвольный «развал», «самороспуск» — это сказ для людей наивных, бездумных и круглых идиотов.

Говорят, что главной причиной «распада» СССР стал пресловутый брежневский «застой», которого (и это уже давно показали многие исследователи) на самом деле не было; «отцом перестройки» был Ю. В. Андропов.

Безусловно, существовали внутренние противоречия, кризисные явления в экономике, идеологии, внутренней и внешней политике, нравственной и психологической сферах... Но ни одно из них и все они, вместе взятые, не носили для второй в мире могучей супердержавы смертельного исхода.

Однако, когда Горбачев и К^о с апреля 1985 г. начали нагнетать в советском обществе паническую атмосферу по всем названным направлениям, страна была введена в положение крайнего психологического возбуждения. В такой ситуации мозг человека временами отключается, чувства и эмоции вытесняют разум.

Именно в такой момент в общественное сознание легче всего вторгаются **мистика и политические мифы**. И работают с наибольшей эффективностью, если им придана строгая целенаправленность, если «стрельба» ведется «залпами».

Теперь хорошо известно, что даже слово «перестройка» было введено в процесс уже начавшихся перемен не сразу. Вначале звучали лозунги «ускорения социально-экономического развития», «совершенствования социализма», «демократизации», «гласности»...

И якобы — никакого «плана», «программы», «стратегии» развития этого процесса. Между тем из «широких масс» уже во весь голос звучали вопросы: «Куда идем?..»

И только потом — совсем потом, когда СССР был уничтожен, когда отгрохотали «лихие 90-е»; когда появились многие тома мемуаров Горбачева, Яковлева, Шеварднадзе, Рыжкова, Лигачева, Громыко, Гришина, Кунаева, Медведева, советников и помощников названных лиц и других крупных политических и общественных деятелей, а также зарубежных политиков, дипломатов и исследователей, кое-кому — скажем, лично мне стало абсолютно ясно:

1) план «перестройки», составленный в соответствии с четким замыслом, существовал **изначально**;

2) в **конечный смысл плана** были посвящены всего трое из общего количества членов Политбюро: Горбачев (генсек ЦК КПСС), Яковлев (фактически второй секретарь ЦК КПСС), Шеварднадзе (министр иностранных дел СССР);

3) идеологом и «архитектором» процесса с первоначальным названием «перестройка» был Яковлев;

4) в определенный момент было объявлено, что «перестройка — это революция»; затем (с учетом того, что СССР возник в результате Великой Октябрьской социалистической революции) появилось уточнение: «перестройка — это революция в революции», что по сути означало контрреволюцию, поскольку в истории человечества известны «революции народных масс», т. е. революции «снизу», истинные революции.

Но что такое «революция в революции», которую возглавляют и осуществляют **тайно** даже от высшего круга руководителей партии и государства **всего трое**,

в том числе первое лицо партии (а немного позднее — и государства)? Это была «революция сверху», т. е. — **ЗАГОВОР**.

Понятно, что формально заговорщиком №1 был Горбачев — генсек ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР. Однако, как гласит восточная пословица, «шептун у уха султана иногда бывает важнее самого султана». В данном случае эта мудрость как нельзя более к месту. С 1983 г. А. Н. Яковлев работал в Канаде, где он уже десятый год являлся послом СССР. Позднее он получил в «пятой колонне» звания «идеолога» и «архитектора» перестройки, а проще сказать, «поводыря» Горбачева.

В доказательство этой мысли можно было бы привести десятки фактов, говорящих о том, что в главном и основном Горбачев следовал идеям и курсу, который предлагал Яковлев. Вот два таких примера.

В декабре 1985 г. Яковлев, только что назначенный зав. идеологическим отделом ЦК КПСС, вручил Горбачеву свою записку объемом более 25 страниц под названием «Императивы политического развития о необходимости всестороннего реформирования советского общества». В ней, по сути дела, и состоял замысел «перестройки».

Прочитав этот документ, Горбачев не возмутился, а произнес, как пишет Яковлев, всего одно слово: «Рано» (Яковлев, 2003).

Не кто-нибудь иной, а именно Яковлев выработал и метод уничтожения СССР. Вот его красноречивое признание, которое он сделал в предисловии к книге французских авторов под названием «Черная книга коммунизма», изданной в 1999 г., не понимая того, что тем самым выдает себя с головой.

«После XX съезда в сверхузком кругу своих близких друзей и единомышленников мы часто обсуждали проблемы страны и общества. Избрали простой, как кувалда, метод пропаганды идей “позднего Ленина”. Надо было ясно, четко и внятно вычленить феномен большевизма, отделив его от марксизма прошлого века. А потом без устали говорить о гениальности позднего Ленина, о необходимости возврата к ленинскому “плану строительства социализма” через кооперацию, через госкапитализм и т. д. Группа истинных, а не мнимых реформаторов разработала (разумеется, устно) следующий план: авторитетом Ленина ударить по Сталину, по сталинизму. А затем, в случае успеха, Плехановым и социал-демократией бить по Ленину, либерализмом и “нравственным социализмом” — по революционаризму вообще. Начался новый виток разоблачения “культы личности Сталина”. Но не эмоциональным выкриком, как это сделал Хрущев, а с четким подтекстом: преступник не только Сталин, но и сама система преступна» (Черная книга коммунизма ... , 1999).

Если учесть, что назначенный зав. идеологическим отделом ЦК КПСС, а затем избранный секретарем и членом Политбюро ЦК КПСС Яковлев стал ближайшим соратником Горбачева, то следует проведенную им кампанию по мифологизации истории советской власти и уничтожению идейных основ Советского Союза, включая дискредитацию Великой Победы над фашистской Германией, Великой Октябрьской социалистической революции и далее — Февральской революции 1905 г., царствования Николая II в целом, оценить, как и всю его деятельность в качестве идеолога и «архитектора перестройки», как фантастически действенную.

Яковлев вел свою работу столь изошренно, что многие органы партийной и советской власти, тем более «простой» народ, даже подумать не могли и не хотели, что на их шею надевают намыленную веревку.

Это еще одна причина, вследствие которой интерпретацию отечественной истории, в том числе царской России и СССР, необходимо принять как аксиому, как способ продолжающейся поныне политической борьбы за Истину...

Логика научного исследования требует от меня встать на путь демифологизации яковлевского опоганивания не только эпохи социалистического строительства, но и его предтечи — двух русских революций, а также ничем не оправданного возвеличивания образа царской России, а также последнего из ее монархов — Николая II...

* * *

Миф о «добром царе» в России бытовал веками. Православный, безграмотный и терпеливый народ наивно полагал, что цари и императоры — «помазанники Божьи» — всем умом и душой глубоко озабочены, как облегчить тяжелую жизнь своей паствы, злое окружение — князья, бояре, дворяне и министры не доносят до венценосцев правду. «А то бы!..»

Даже крупные крестьянские восстания под руководством Разина, Болотникова, Пугачева, не говоря уж о множестве более мелких крестьянских бунтов, были направлены против бояр, дворян, помещиков и купцов, но практически не покушались на институт царской власти.

Тем более что цари были тоже очень разные. Иван IV, Петр I, Екатерина II, Александр II — все четверо, каждый в своем деле, признаны великими.

Однако и они о «низах», о «черни», об «обиженных» и «оскорбленных» не очень-то, а то и вовсе не радели. По-настоящему их заботила своя собственная судьба, спокойствие внутри страны, роль России в международной жизни, войны и победы на ратном поле. Это поднимало народный дух, помогало поколению за поколением правителей царствовать, а российскому населению — мириться со своей тяжелой долей, верить в лучшие времена...

Восстание на Сенатской площади в Санкт-Петербурге лучших царских полков во главе с офицерами из высшего дворянского сословия против царя в 1825 г. стало потрясением для образованной части российского общества и властных верхов. Появление политических кружков и партий, ставивших целью свержение царизма, покушения и убийство царей и министров, обрушило веру в «доброту царя».

Февральская революция 1905 г., но прежде всего, разумеется, Великая Октябрьская социалистическая революция поставили на монархическом управлении точку.

Но через 70 с лишним лет советской власти грянула горбачевская «перестройка», затем ельцинские «лихие 90-е» — шоковая терапия и воровская приватизация «по-чубайсовски», разного рода «реформы» и модернизации, которые породили две мощнейшие волны мифологизации и фальсификации отечественного Прошлого...

Начиная с середины 80-х гг. XX в. и поныне опубликовано огромное количество различных сочинений российских и иностранных историков о дворянстве и «высшем свете» царской России.

Как правило, в мемуарах и исследованиях воссоздаются портреты 24 русских царей начиная с Ивана IV, но особое внимание уделяется династии Романовых с сильным акцентом на личность Николая II, что вполне объяснимо.

Совсем не случайно о российских престолонаследниках немало пишут **немецкие историки**.

В 1997 г. на русский язык переведен сборник статей немецких исследователей «Русские цари» (Русские цари, 1997). В 1998 г. опубликована монография Элизабет Хереш «Николай II» (Хереш, 1998), в которой автор, по ее словам, рисует **«удивительный образ человека, который правил величайшей империей мира»**.

Э. Хереш с большой значительностью отмечает, что «жизнеописание царя Николая II основывается на его **собственных дневниках и письмах**, воспоминаниях окружавших его людей, архивных документах, а **прежде всего** — показаниях свидетелей, среди которых... бывшие **солдаты** русской армии, **офицеры** Ставки периода Первой мировой войны, **придворные и слуги, сыновья или дочери** царских министров, **лейб-врачи** и другие» (там же: 5).

Но, скажите, пожалуйста, как могли по-другому смотреть на царя солдаты, офицеры, придворные, слуги и лейб-врачи? Только как на царя, как на помазанника Божьего — с **восхищением, восторгом и поклонением...**

Да, в дневниках Николая II можно найти много удивительного. Например, во время утренних прогулок он любил стрелять по воронам и собакам, о чем педантично день за днем делал пометки в своих дневниках. И убил тысячи птиц и «братьев меньших»...

Если такие факты стали источником вдохновения Э. Хереш для создания образа Николая II, тогда он в самом деле человек «удивительный». Но — в каком смысле?..

Вот что написал царь в анкете **первой российской переписи населения**, проходившей в 1897 г. Там, где прочие жители страны отмечали «крестьянин», «рабочий», «чиновник», Николай написал: **«Хозяин земли русской»**.

«Хозяин»... Но ведь не только же «земли», но и **живущих на этой земле людей**, в подавляющем большинстве — русских.

«Хозяин»... Какое богатое по содержанию, какое ответственное слово!

О том, как **хозяйствовал Николай II**, лучше всего знало ближайшее окружение Николая II: на протяжении всего его царствования — премьер-министры, министры различных ведомств, генералы, депутаты Государственной думы. А они в абсолютном большинстве оценивают личность Николая II и все годы его правления критически, а зачастую крайне негативно. Как и большинство историков-исследователей, они дружно ставят Николаю II за годы его правления «неуд». Именно на суждения и выводы этих людей, опубликовавших воспоминания об императоре, я и опираюсь в своем очерке.

В 2021 г., уже в ходе моей работы, в издательстве «Вече» вышла фундаментальная и интереснейшая монография В. В. Пирогова «Ангелы и демоны российской власти. Монархи и фавориты» (Пирогов, 2021). Ее особенность в том, что автор не дает каких-либо ссылок на использованные им источники цифр и фактов, объясняя это тем, что «данный труд — не диссертация». Тем не менее я использую это исследование в своем материале.

Обращаю внимание читателя на тот факт, что многие книги и воспоминания, которые используются мною в очерке, изданы в пору «лихих 90-х», когда ельцинская власть «возрождала» Россию и была крайне заинтересована в благолепном образе Николая II. Именно в эту пору он был канонизирован Русской православной церковью как «святой великомученик»...

В июле 2024 г. исполнилось 126 лет со дня расстрела императора Николая II и его семьи.

Вот некоторые основные характеристики личности императора Николая II, как положительные, так и отрицательные.

*1. ГЕНЕТИЧЕСКАЯ ПРИРОДА ИМПЕРАТОРА ВСЕЯ РУСИ — НИКОЛАЯ II:
НЕ РУССКИЙ ЧЕЛОВЕК...*

Начну разговор о Николае II с освещения вопроса о том, какое отношение имел он к **русскому императорскому роду Романовых**.

В своей книге «Воспоминания» (глава девятая, Николай II) министр иностранных дел Российской империи в 1906–1910 гг. Александр Петрович Извольский пишет: «Следует вспомнить, что **русская императорская фамилия имела отношение к роду Романовых только по женской линии**. После смерти императрицы Елизаветы **русский трон перешел к герцогу Голштинскому-Готторп**, мать которого была **дочерью Петра Великого**. Под именем **Петра III** он был родоначальником русской императорской линии. Совершенно верно, однако, что **рождение Павла I было незаконным**, и его настоящим отцом был один из придворных по фамилии **Салтыков**, ввиду чего члены императорской фамилии не имели ни капли крови **Романовых в своих жилах**» (Извольский, 1924: 2).

Комментируя высказывания А. П. Извольского, наш современник П. В. Романов говорит: «Известна история о том, как на одном из торжественных приемов во дворце Александр III, уединившись с Барсковым, знатоком XVIII века, шепотом выпытывал у него, не знает ли тот, кто все-таки на самом деле был отцом Павла I. На что Барсков с откровенностью хирурга, привыкшего резать по живому, ответил, что вообще-то, учитывая характер Екатерины Великой, им мог быть кто угодно, хоть чухонский крестьянин, но скорее всего прапрадедом его императорского величества был **граф Салтыков**. “Слава тебе Господи, — перекрестился государь, — значит, во мне есть хоть немного русской крови”. <...> Если и впрямь царскую родословную подправил Салтыков, то это последнее вливание свежей крови в династию “русских царей”. Если же отцом Павла являлся все-таки Петр III, то русской крови в Романовых еще меньше, примерно, как вина в реке» (Романов, 2014).

«Высокий рост и замечательная красота почти всех членов императорской фамилии обязаны своим происхождением жене Павла I, **принцессе Вюртембергской-Монбельяр** (сам Павел I был настолько мал ростом, что, когда он прибыл в Париж в 1782 г. под именем графа Северного, парижское население наделило его весьма насмешливыми кличками во время его появления на улицах города).

Отличительные физические качества Романовых нашли свое наиболее полное выражение в личности императора Николая I, который, по отзывам современников, напоминал в юности древнего греческого героя. Эти физические качества сохранялись в течение трех поколений; император Александр III, отец Николая II, хотя и не был красив, но был человеком геркулесовского сложения и величественной внешности.

Когда император Николай II взошел на престол, он производил впечатление человека, принадлежащего к совершенно другой породе, чем его предшественники» (Извольский, 1924).

«Начиная с Николая I всем членам царской семьи **страстно хотелось быть русскими**. Но все они тем не менее с необычайным упорством следовали установлен-

ной традиции — женились на принцессах из одного и того же **германского питомника**, в котором все были друг другу уже **трижды, если не больше**, родственниками. Однако, как говорил Гораций, **“мера должна быть во всем, и всему, наконец, есть пределы”**. Царская династия эти пределы явно преступила...

<...> Даже родители понимали, что **“Ники” для престола негоден**, но все остальные братья получились еще хуже. Ключевский, не без брезгливости наблюдая за последним царем, **во всем винил датские гены**: “С Александра III, с его детей, в частности, Николая, будущего Самодержца, нравственное **вырождение** сопровождается и физическим. Но чьи гены здесь больше “виноваты” — немецкие или датские, — вопрос спорный.

Тем не менее известно: Николай II не смог передать трон своему единственному сыну Алексею, неизлечимо **больному гемофилией**. Это “приданое” в дом Романовых принесла жена Николая — Александра Федоровна, или **Аликс, дочь великого герцога Гессен-Дармштадтского Эрнеста Людвиг IV по имени Алиса Виктория Хелена**. <...> Луиза Беатрис Гессен-Дармштадтская, **внучка королевы Виктории Английской...**» (Романов, 2014).

Попытаюсь представить мнения той и другой («белой» и «черной») сторон личности Николая II, опираясь (подчеркну снова) на суждения и оценки только широко известных и авторитетных персон, составлявших ближайшее окружение Николая II.

II. Эскиз психологического портрета Николая II

Как известно, первая и главная проблема психологии — это проблема души (Аристотель «О душе»), сознания, развития ума, поведения человека и т. д. Исключительное значение для человека с момента его появления на свет имеет **воспитание**, которое в принципе продолжается всю жизнь, но **самым главным его этапом является детство**.

Воспитание

Николай II родился 6 мая 1868 г. и крещен 20 мая того же года. Его крестными были Александр II, **королева датская Луиза, наследный принц датский Фридрих**.

В детстве воспитателем Николая был иностранец — **англичанин Карл Осипович Хетс**.

Как пишет в книге «Воспоминания» А. П. Извольский, который знал Хетса очень хорошо, был его учеником в императорском лицее **почти в одно время с Николаем**, Хетс не имел университетского образования, но был одаренным и обаятельным преподавателем, обладал обширными познаниями.

Хетс любил спорт. Ему Николай II обязан склонностью к физическим занятиям. Однако Хетс с трудом говорил по-русски и кроме любви к спорту передал наследнику то, что мог, — **прекрасный английский язык**. Впоследствии Николай выучил французский, датский и немецкий языки.

В том, что **первым воспитателем** Николая был иностранец, не было ничего необычного: со времен Алексея Михайловича — второго царя рода Романовых — **воспитателями всех престолонаследников с первых лет жизни были иностранцы**.

Если раньше, до воцарения 16-летнего Михаила Романова на русский престол, столь важное и ответственное дело, как воспитание, доверяли наиболее умным

и заслуженным боярам, то с этой поры — только пришлым иностранцам, которые, как и Карл Хетс, едва-едва говорили по-русски.

Воспитателем будущего царя Федора Алексеевича занимался поляк Симеон Ситнянович, одним из главных воспитателей Петра I был шотландец Менезиус, попавший к русским в плен, но обласканный Алексеем Михайловичем. Именно он, Менезиус, привил восприимчивому с малых лет Петру зародыши его горячей **любви ко всему иностранному**. Таких же воспитателей Петр I нанял потом и для своего первого сына Алексея. Это были **немцы** Нейгебауэр, затем — Гюйсен.

И так продолжалось до Александра III и его сыновей, в том числе Николая, ставшего впоследствии императором.

Тем не менее в 1877 г. **официально воспитателем Николая** был назначен генерал Г. Г. Данилович. Как пишет А. П. Извольский, кроме **ультрареакционных** взглядов, никаких других особых качеств Данилович не имел.

Министр финансов, а затем премьер-министр России, один из умнейших государственных деятелей тех времен С. Ю. Витте отметил в своих воспоминаниях: **«Я редко встречал так хорошо воспитанного молодого человека, как Николай II»** (Витте, 1923: 3).

Как говорят современники царя и историки, Николай II любил музыку, театр, балет, оперу; обожал греблю, ходьбу, велосипед, турник; любил колоть дрова, стрелять по воронам; со всеми был вежлив, хорошо одевался, прекрасно танцевал.

Был однолюб: женившись на немке **Алисе Виктории Хелене Луизе Беатрис Гессен-Дармштадтской**, внучке королевы **Виктории Английской**, они всю жизнь оставались верны друг другу (Русские цари, 1997: 490). Одним словом, мог считаться образцом для персон высшего света.

Однако никто из исследователей личности Николая II не вспоминает о таких добродетелях, которые не даются человеку от рождения и обучением, а обретаются прежде всего и главным образом с детства и всю жизнь в процессе воспитания и самовоспитания. Это чувства справедливости, совести, чести, милосердия, сочувствия и — что особенно важно для правителей высшего ранга — воля, чувство долга и ответственности в своих поступках и деяниях перед «другими»: перед теми, кем ты управляешь, — перед российским народом.

И. А. Горемыкин, министр внутренних дел России (1895–1899 гг.) еще в 1904 г. сказал о Николае II одному крупному чиновнику: **«Никогда не верьте ему. Он самый фальшивый человек в мире»** (там же: 492).

Е. Радциг пишет: «Среди воспитателей и преподавателей Николая был и обер-прокурор Святейшего синода, человек **крайне реакционных взглядов** **К. П. Победоносцев**. Он внушал наследнику, что **самодержавие дано от Бога**, что это единственная возможная для России форма **правления**, что **все должны беспрекословно повиноваться царю**, что парламентаризм — великая ложь. Эти уроки молодой цесаревич усвоил твердо» (Радциг, 1999).

Религиозность Николая достигала крайней меры: «Он искренне считал, что его **титул дан ему Богом**, что сам он — **представитель Бога**» (Русские цари, 1997: 490). Он усвоил широко распространенную в обществе веру в доброту и верность царю простых русских людей, особенно крестьян; был абсолютно уверен, что через обряды Русской православной церкви он самым тесным мистическим образом связан с простым народом. Впоследствии, вступив во власть, Николай II не раз пытался

использовать это мнимое мистическое единство царя и народа в политических целях (Богданович, 1990: 502).

Венцом царского мистицизма стал Григорий Ефимович **Распутин** — человек необразованный, но умный и хитрый, обладавший способностями, как их теперь называют, экстрасенса. Он сумел полностью подчинить себе царицу Александру Федоровну, а через нее и царя.

«Управляет теперь не царь, а проходимец Распутин, — отмечала в феврале 1912 г. А. Богданович. — Всякое уважение к царю пропало». Такую же мысль высказал 3 августа 1916 г. бывший министр иностранных дел С. Д. Сазонов: «...император царствует, но правит императрица, инспирируемая Распутиным» (Палеолог, 1991: 126).

Немецкий историк Хайнц-Дитрих Леве в книге «Русские цари» пишет, что Николай «развил в себе способность **сохранять спокойствие и самоконтроль... в экстремальных ситуациях**» (Русские цари, 1997: 490). Какой смысл вкладывал этот исследователь в слова «спокойствие», «самоконтроль», а главное! — выражение «экстремальная ситуация»?

Ответ на эти вопросы, на мой взгляд, дает П. В. Романов: «Впервые в русской истории после Павла I в воспоминаниях современников о государе появляются слова о “болезненной воле” монарха, его “ненормальной психике” и “расстройстве души”» (Романов, 2014: 1).

Немало об этом рассуждали С. Витте и министр внутренних дел И. Дурново, говоривший: «Многие из приближенных к царю людей с недоумением отмечали, что не могут понять того хладнокровия, с которым Николай воспринимает дурные вести: то ли это признак огромного самообладания, то ли патологического равнодушия. Ему говорили о тяжелых потерях на фронте, о забастовках, политическом кризисе, он в ответ кивал, но тут же переводил разговор на другую тему, рассуждая о делах второстепенных или, того хуже, об охоте, погоде и придворных сплетнях» (там же).

«Николай II был человеком **слабохарактерным, слабовольным, но упрямым**» (Радциг, 1999).

«**Безвольный, малодушный царь**» (Богданович, 1990: 120), — констатировала А. Богданович.

«**Хитрый, двуличный, трусливый государь**» — так охарактеризовал Николая II председатель Второй Государственной думы Ф. А. Головин (Центральный государственный исторический архив. Ф. 1625. Оп. 1, 9, 12. Л. 57).

«У Николая нет ни одного порока, — записал 27 ноября 1916 г. Палеолог, — но у него **наихудший для самодержавного монарха недостаток: отсутствие личности**» (цит. по: Радциг, 1999).

Николай II с огромным трудом переносил возле себя людей толковых. «Причем раздражали они его не столько умом... сколько тем, что... верно оценивая ситуацию в стране, обычно пытались бить тревогу <...> Экстремальная ситуация, а их в тот период было множество, вызывала у царя нечто вроде интеллектуального и душевного ступора. Умные люди рядом с государем долго не задерживались. <...> Под коварством Николая, как правило, подразумевали его склонность, например, в беседе с министром сначала полностью согласиться с какой-то идеей, а на следующий день подписать прямо противоположное распоряжение. На самом деле никакого коварства здесь не было, просто монарх не мог противостоять напо-

ристому собеседнику и сказать ему “нет”. Государю легче было согласиться, пообещать, а затем, избавившись от докучливого министра, сделать все наоборот» (Романов, 2014).

Ум и обучение

Ум — это способность человека мыслить. Издавна существует выражение «природный ум», хотя ныне это понятие связано с генетикой, т. е. наследованием от родителей и прародителей. До известных пределов ум (мозг) можно развить с помощью обучения (наполнения его знанием) и специальных упражнений.

«Знание — сила!» Под этим девизом человечество развивалось несколько веков, прежде чем пришло к выводу о том, что «многознание уму не научает», что **высшая цель образования** (воспитание + обучение) — это **понимание**, путь к которому лежит через глубокое овладение человеком многими знаниями в совокупности с его стремлением и способностью **раз-мышлять, рас-суждать**.

XX век с его мировыми войнами и многими другими потрясениями глобального плана поставил человечество на грань гибели. Первой и главной глобальной проблемой среди десятков других в 70-е гг. XX в. Римским клубом была названа «неосознанность происходящего»...

В. В. Пирогов пишет: «...Николай получил домашнее **гимназическое образование**, а в 1885–1890 годах обучался по специальным университетским программам экономического и юридического отделений и курсу Академии Генерального штаба...» (Пирогов, 2021).

Лекции читали ученые с мировым именем: Бекетов, Обручев, Кюи, Драгомилов, Бунге, Победоносцев и др. Однако все они лишь «читали» свои лекции, **но проверять, как их ученик усвоил материал, не имели права**.

Между тем цесаревич тяготился даже такими занятиями и 28 апреля 1890 г. записал в своем дневнике, который вел ежедневно с 1877 г.: «Сегодня окончательно и навсегда прекратил свои занятия» (Радциг, 1999).

6 мая 1884 г., достигнув совершеннолетия, Николай принес воинскую присягу.

Первые два года Николай служил младшим офицером в Преображенском полку, затем два летних сезона проходил службу командиром эскадрона в лейб-гвардии Гусарском полку и лагерный сбор в артиллерии. В августе 1892 г. был произведен в полковники.

Александр III стал приобщать сына к управлению страной, приглашая участвовать в заседаниях Государственного совета и Кабинета министров...

...К 23 годам наследник получил обширные сведения в разных областях знания. Кроме того, он вместе с отцом совершил путешествия по губерниям России и на крейсере «Память Азова» в составе эскадры на Дальний Восток.

За девять месяцев со свитой посетил Австро-Венгрию, Грецию, Египет, Индию, Таиланд, Китай, Японию и сухим путем из Владивостока через всю Сибирь возвратился в столицу России (Пирогов, 2021: 266–267).

Весьма и весьма впечатляющая информация! Путешествия — это отличный способ обучения.

Вот что говорит один из авторов изданного немецкими историками сборника статей «Русские цари» Хайнц Дитрих Леве: «По практически **единодушному мнению современников**, Николай II был умным человеком» (Русские цари, 1997: 490).

Совсем иное мнение по этому поводу выразил С. Ю. Витте, премьер-министр Правительства России при Николае II: «Умственными способностями Николай II не блистал» (Витте, 2024: 357).

И даже сам император Александр III, отец Николая, отмечал в 1892 г., когда престолонаследнику было уже 24 года: «Он совсем мальчик, у него совсем детские суждения» (цит. по: Витте, 1923). Между тем до вступления на престол его сыну оставалось всего два года.

Как уже говорилось, привлекать наследника к государственным делам начали с 17 лет, но он не проявлял к ним интереса. Когда Победоносцев, по его словам, пытался объяснить наследнику, как функционирует государство, «тот с великим тщанием начинал ковырять в носу» (Радциг, 1999, цит. по: Ферро, 1991: 32).

«Государь, — отмечал С. Ю. Витте, — никогда не открыл ни одной страницы русских законов и их кассационных толкований» (там же, цит. по: Витте, 1991: 558).

Такое отношение Николая II к делам государства, которыми ему предстояло заниматься в будущем, объясняется, по словам бывшего председателя Совета министров В. Н. Коковцева, тем, что «его образование недостаточно, и великие задачи, решение которых составляет его миссию, слишком часто выходят из пределов досягаемости его понимания. Он не знает ни людей, ни жизни» (там же, цит. по: Палеолог, 1991: 126).

В книге «Преимники. От царей до президентов» П. В. Романов пишет: «Объясняя причины неудач монарха, большинство современников полагало, что Николай II бездарно завалил порученное ему историей дело. При этом, объясняя причины неудач монарха, чаще всего говорили об ограниченных умственных способностях последнего императора, его слабой воле и недостаточном образовании» (Романов, 2014).

Но так ли это на самом деле, станет ясно из нашего дальнейшего повествования.

III. ЭСКИЗ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОРТРЕТА НИКОЛАЯ II

Политика — это тяжелейшее испытание человека. О результатах деятельности на политическом поле судят потом, но вначале политика принимает человека **таким, каков он есть**: как воспитан и обучен, по наличному уму, существующему характеру, она признает только **право сильного**.

Политика — это высочайшее **из искусств**.

Искусство находить и формулировать проблемы. Искусство преодоления вместе с отобранными для этой цели соратниками. Искусство определять, кто твой преданный друг, а кто — сильный враг. Искусство чувствовать предателей в ближайшем окружении и находить опоры в рассаднике зависти и ненависти, которые ты вызываешь. Искусство балансирования на грани поражения и победы.

Настоящая политика требует от настоящего политика самоотверженности и жертвенности. Тем более если он оказался на самом вершине и от него зависят судьбы многих людей, не говоря уж о судьбах его народа и государства...

«За абсолютную монархию!»

Как известно, император Александр III прослыл миротворцем, но при этом олицетворял собою идею абсолютной монархии, 13 лет управлял Россией железной рукой.

Его неожиданная смерть породила в обществе, и прежде всего в выборных народам земствах, надежды на расширение свобод, которые были подавлены жестким бюрократическим централизмом. Свои надежды земские делегаты связывали с молодым царем.

Вскоре они обратились к Николаю с просьбой об аудиенции, чтобы принести ему поздравления в связи с восшествием на престол и высказать свои пожелания на будущее царствование. Царь дал согласие на встречу.

Представители земств предложили еще не коронованному императору петицию о создании конституционного правительства, поддержанную почти всеми земствами.

«Самодержец принял их с нахмуренными бровями и плотно сжатыми губами. Повернувшись вполоборота к делегатам, избранным нацией, приказал им отбросить бессмысленные мечтания, которые он никогда не сможет принять» (Извольский, 1924: 6). Этот ответ царя представители земств сообщили своим избирателям в самых отдаленных уголках России.

А. П. Извольский утверждает, что уже «первая встреча Николая II с представителями народа положила начало тому отсутствию взаимного понимания, которое никогда не прекращалось во взаимоотношениях государя с народом и имело эпилогом через двадцать три года отречение императора в Пскове» (там же: 7). Он считает, что «первые пять лет русская империя продолжала управляться тенью умершего императора» (там же).

Бегство от действительности, слабоволие, а то и полное безволие — так определяется эта черта человеческого характера. По-другому сказать, равнодушие, как болезнь, от которой не умирают, но с позволения которой совершаются все убийства и войны.

Сказать подробно о том, что происходило в России в сферах внутренней и внешней политики в годы правления Николая II, невозможно. Ограничимся некоторыми, но много говорящими штрихами.

Тем более что в данном журнале («Знание. Понимание. Умение») (без всяких претензий на абсолютную истину) мною уже опубликованы статьи о состоянии экономики, общественном движении и трех революциях в николаевскую эпоху. В них изложен мой взгляд на эти события и процессы, основанный, однако, на серьезных источниках конца XIX и начала XX в.

В этих статьях говорится о долговременном экономическом кризисе и последовавшим за ним «застое», в результате которых рухнуло более трех тысяч заводов и фабрик, только что встававших на ноги в ходе первого этапа накопления капитала.

Конечно, можно сказать, что в этом виновато царское правительство. Ну а сам царь, «Хозяин земли русской», ни при чем?..

Между тем уже с первых дней властвования Николая II происходили страшные события, проверявшие «особое хладнокровие и самообладание» этого человека — «Хозяина земли русской»...

Как свита «играла» царя

Не только Распутин развращал личность царя, играя на его крайней религиозности, склонности к мистицизму и слабоволию, но и многие из его близкого окружения, в частности министры различных ведомств.

Об этом весьма убедительно говорит А. П. Извольский в своих «Воспоминаниях».

Метод, которым пользовался министр внутренних дел Сипягин, заключался в том, чтобы систематически **льстить** молодому государю, восхищаясь его **административными** талантами, которых, как отмечают другие, более честные и ответственные лица из ближнего окружения царя, он не имел.

Льстивость министра иностранных дел графа Муравьева (1897–1900 гг.), невежественного в государственных делах, заключалась в том, что он всюду, где было возможно, заявлял, что он всего лишь исполнитель воли государя, который глубоко искусен в дипломатических делах, самостоятельно решает все мельчайшие вопросы международной политики.

Преемник Муравьева на посту министра иностранных дел граф Ламсдорф следовал тому же методу и оставался министром дольше всех.

Напротив, предшественник Сипягина, князь Лобанов — выдающийся дипломат и настоящий государственный деятель, занимал должность министра иностранных дел очень короткое время: он вскоре умер. Но еще при жизни, наблюдая некомпетентность царя в области внешних отношений, Лобанов взял на себя обязанность преподносить Николаю II некоторые знания из истории дипломатии и текущих международных дел из своих устных докладов. Император, привыкший к лести, слушал министра с досадой. Умных людей рядом с собой он терпел, но с трудом и недолго...

В ряду министров, формировавших взгляды императора, А. П. Извольский называет имя Вячеслава Константиновича Плеве — преемника Сипягина на посту **министра внутренних дел России**. Одаренный настойчивостью и силой воли, он непоколебимо шел к своей цели, заключавшейся в том, чтобы **укрепить** самодержавную власть и систему бюрократической **централизации**. Он был настоящим воплощением **полицейской системы**, доведенной до крайних пределов: полная неразборчивость в средствах достигла в эту пору совершенно невероятных форм.

Плеве организовал с помощью известного **Зубатова рабочие объединения**, назначение которых состояло в том, чтобы **парализовать влияние социалистов**. Другими словами, они **организовывали стачки**, которые руководились полицейскими агентами. Он практиковал также особую полицейскую систему, которая имела **двуличных агентов**, служивших одновременно правительству и террористам.

Распутинщина

Как уже упоминалось, царь, и особенно царица, были подвержены мистицизму. Самая близкая фрейлина Александры Федоровны и Николая II Анна Александровна Вырубова (Танеева) написала в воспоминаниях: «Государь, как и его предок Александр I, был всегда мистически настроен; одинаково мистически настроена была и государыня... Их величества говорили, что они верят, что есть люди, как во времена Апостолов... которые обладают благодатью Божией и молитву которых Господь слышит» (Вырубова, 1993: 274).

В Зимнем дворце можно было часто видеть различных юродивых, «блаженных», предсказателей судьбы, людей, способных (якобы) влиять на судьбы людей. Это — и Паша-прозорливая, и Матрена-босоножка, и Митя Козельский, и Анастасия Николаевна Лейхтенбергская (Стана) — жена великого князя Николая Николаевича-младшего. Широко открыты были двери царского дворца для всякого рода проходимцев и авантюристов, каким был, например, француз Филипп, настоящее имя — Низьер Вашоль.

А. П. Извольский говорит об этом такими словами: «Разве можно не удивляться тому, что император мог подпасть под влияние такого вульгарного проходимца, каким был известный Филипп, начавший свою карьеру в качестве мясника в Лионе, сделавшийся позже спиритом, гипнотизером и шарлатаном, который был осужден во Франции за различные мошенничества, а кончил тем, что превратился в желанного гостя при русском императорском дворе и сделался советником императрицы и императора не только по делам личного характера, но даже по делам большой государственной важности?» (Извольский, 1924).

В конце 1905 — начале 1906 г. после смерти Филиппа при царском дворе появился Григорий Распутин.

В переписке царя и царицы Распутин по фамилии никогда не упоминался, его именовали «старец» или просто «Гр.», но чаще всего «Друг», а также местоимениями «он», «его», «ему». Когда это касалось Распутина, всегда писалось с заглавной буквы, так же как «Бог», «Господь» (Радциг, 1999).

А. П. Извольский в «Воспоминаниях» рассказывает об огромном влиянии Григория Распутина на падение романовской династии и распад русской империи.

«Этот безграмотный, пьяный и бесстыжий человек из отдаленных мест Сибири на многие годы стал личным советником и даже, можно сказать, **идолом русской императорской четы**. <...> Первое появление Распутина в Петербурге относится к 1905–1906 годам, как раз к тому моменту, когда я стал министром иностранных дел. <...> Я всегда указывал на **глубокое религиозное чувство**, которое руководило императором в его духовной жизни. Каким образом случилось, что это чувство могло превратиться в **вульгарную веру**, в предрассудки и в полную подчиненность такому лжепророку, каким являлся Распутин. <...> Я могу объяснить это явление только влиянием на **Николая II императрицы Александры**, преувеличенный мистицизм которой вызывался, по-видимому, патологическими причинами. <...> Не менее трудно понять тот сложный комплекс причин, который обуславливал влияние Распутина не только на слабовольного императора и императрицу, но и **в самых разнообразных кругах, среди которых он вращался**.

Это влияние, я думаю, не может быть объяснено гипнотическими способностями, которыми он обладал в величайшей степени. Чтобы понять эту загадку, необходимо быть несколько знакомым с религиозными и мистическими направлениями, которые время от времени проявлялись в России, оказывая громадное влияние на духовную жизнь русских как в низших, так и в высших слоях общества.

Общая тенденция этих верований направлялась в сторону стремления к грехопадению, часто даже преступному, которое сопровождалось верой в очищение от греха с помощью божественного милосердия.

Так называемая религия страдания, черты которой находят свое описание у Толстого и Достоевского, сопровождалась часто болезненными искажениями и исходила из возвышенной теории о том, что для получения прощения необходимо совершить грех. Таковы наиболее характерные черты русских сект, среди которых самой распространенной сектой является «хлыстовство». Ее обряды, которые очень напоминают обряды самобичующих и конвульсионистов, и мистицизм которой связан с эротическим возбуждением, имели своих адептов не только в низших, но и в высших слоях русского общества. В начале XIX века высшее общество Петербурга переживало сильный прилив мистицизма <...>

...действительная роль Распутина выразилась в том, что он открыл невежественным слоям русского народа все наиболее одиозные стороны автократического режима, что может быть успешно сравнено только с действием некоторой химической реакции, которая объединила все элементы русского общества против самодержавного режима» (Извольский, 1924).

«Но Распутин не ограничивался вмешательством только во внутренние дела страны. После того, как Николай II стал верховным главнокомандующим, он начал вмешиваться в военные вопросы — как надо вести войну, где и когда наступать и т. д. Николай II, находясь в Ставке, периодически информировал жену о военных планах, но с оговоркой: “Прошу тебя никому об этом (подготовке брусиловского прорыва. — *Е. Р.*) не говори, даже нашему Другу” (письмо от 5 мая 1916 г.). Но царица все же делилась этими сведениями с Распутиным...

Вот некоторые примеры указаний Распутина, как это следует из писем Александры Федоровны:

“Я должна передать тебе поручение нашего Друга, вызванное его ночным видением. Он просит тебя приказать начать наступление возле Риги” (№ 391 от 15 ноября 1915 г.); “Он находит, что... не следует так упорно наступать” (№ 562 от 25 июля 1916 г.); “наш Друг надеется, что мы не станем подниматься на Карпаты” (№ 567 от 8 августа 1916 г.); “наш Друг хотел бы, чтобы мы взяли румынские войска под свое начало” № 581 от 6 сентября 1916 г.); “Друг совершенно вне себя от того, что Брусилов не послушал твоего приказа о приостановке наступления” (№ 599 от 24 сентября 1916 г.)» (Радциг, 1999).

Весьма образно подвел итог распутинщине Шульгин:

«Есть страшный червь, который точит, словно шашель, ствол России. Уже всю середину изъел, быть может и нет ствола, а только одна трехсотлетняя кора еще держится... Имя этому... Распутин» (там же, цит. по: Шульгин, 1989: 134).

Распутинщина не была случайной. Она — результат вырождения как самих Романовых, так и самодержавия в целом. Она сильно подорвала авторитет царя и его двора даже среди наиболее последовательных монархистов и ускорила падение Романовых, хотя и не была главной причиной свержения царской власти.

Вечером 30 декабря 1916 г. Распутин был убит. Однако, как отмечал Шульгин, «монархию это не могло спасти, потому что распутинский яд уже сделал свое дело. Что толку убивать змею, когда она уже ужалила» (там же, цит. по: Шульгин, 1989: 154).

Ходынка

18 мая 1896 г. на Ходынской площади был намечен праздник в честь коронации нового императора с бесплатными подарками для народа.

Однако в результате «безобразной организации народного гуляния царскими чиновниками», как пишут некоторые историки, праздник превратился в огромную трагедию: рвавшаяся к бесплатным сладостям толпа попала в западню — давно вырытые на поле и всеми забытые рвы. Говорят, что погибло более 2000 человек!..

Свое отношение к этой всероссийской трагедии Николай II обозначил в дневнике: «Отвратительное впечатление осталось от этого известия». И только!..

К вечеру новый венценосец отправился на бал к французскому посланнику... где Николай весело кружился в танце с молодой женой Александрой на глазах российских и иностранных гостей «высшего света», смущенных шокирующим поведением российского государя.

Другую версию этого трагического события излагает в уже цитированной мною книге А. П. Извольский, который собственными глазами видел последствия торжественной коронации царя, поскольку сопровождал на место происшествия своего кузена Муравьева, бывшего тогда министром юстиции России и **главным распорядителем** на запланированных торжествах.

Извольский говорит, что погибло не 2000, как официально сообщалось, а **более 3000 человек**, которые огромной грудой лежали перед помостом, на котором раздавались подарки. Извольский также пишет, что Николай II, по словам упомянутого министра юстиции Муравьева и главы Святого синода графа Палена, поначалу был опечален происшедшим и хотел удалиться от мира в один из монастырей в окрестностях Москвы, чтобы выразить свое горе... (Извольский, 1924).

Но, как уже говорилось, не удалился! Поехал во французское посольство и — танцевал, танцевал!..

Пир во время чумы... Первый шаг к пропасти в первый день правления...

Ответственные за мероприятие — дядя императора Великий князь Сергей и московский генерал-губернатор даже не были наказаны... (там же: 10–11).

Трагедия на Ходынке и по сей день остается самым масштабным событием такого рода в мировой истории. Однозначно и мнение об этой катастрофе: она нанесла непоправимый удар по репутации царской власти в России, стала знаковым пунктом ее конца. Через 10 лет по стране разлетится зловещее предсказание совсем не «революционного поэта» Константина Бальмонта:

*Кто начал царствовать — Ходынкой,
Тот кончит — встав на зшафот.*

Но тогда опечалившемуся царю ни о чем подобном еще не грезилось даже во сне, и уж конечно, не думалось о том, что впереди его ожидают еще множество более ужасных катаклизмов внутри и за пределами России, за которые русский народ вскоре наречет его кличкой «**Николай Кровавый**»...

Между тем в обществе разгорелась ожесточенная дискуссия о необходимости улучшить положение крестьянства, составлявшего более 75% населения России. Самым крупным «реформаторским» шагом Николая II в этом направлении стала **отмена телесных наказаний крестьян**. При этом наиболее богатым крестьянам был облегчен выход из крестьянской общины (Русские цари, 1997: 498). Это еще более ухудшило положение бедняков.

В 1902 г. крестьяне «отблагодарили» царя **массовыми беспорядками** в Полтавской и Харьковской губерниях (там же: 499). Царь ответил репрессиями. Оппозиционеры и социал-революционеры в ответ на репрессии — террором, жертвой которого пал представитель политической реакции — министр внутренних дел Плеве. По этому поводу ликовали в широких кругах общества (там же: 500).

Значительным событием общественной жизни России стало собрание представителей земств, состоявшееся 20 ноября 1904 г. Большинство собравшихся потребовало принятия в России Конституции. Объединившиеся в оппозицию силы помещичьего дворянства, сельской интеллигенции и широких кругов городской интеллигенции начали требовать **введения в государстве парламента**.

Эти идеи нашли отклик и в **рабочем классе**. Власти разрешили образовать Независимое объединение, которое возглавил поп Гапон. Объединение решило подать петицию царю.

Кровавое воскресенье

9 января 1905 г. более 100 000 рабочих во главе с попом Гапоном потянулись к Зимнему дворцу с пением гимна «Боже, царя храни...», чтобы донести до царя свои беды и требования, среди которых были: учреждение в России парламента и отделение церкви от государства.

Царь знал о готовящемся шествии рабочих к Зимнему дворцу, однако решил уехать в Царское Село, а в городе было фактически введено военное положение, прибыли дополнительные воинские подразделения.

Армейские офицеры, на которых были возложены полицейские задачи сдерживания толпы, приказали стрелять по мирным людям. 170 человек были убиты и более 1000 ранены.

В тот же день, вечером, царь записал в дневнике: «Тяжкий день! В Петербурге произошли серьезные беспорядки... Войска должны были стрелять... много убитых и раненых. Господи, как больно и тяжело... Завтракали со всеми. Гуляя с Мишей».

Рабочие и интеллигенция отреагировали на Кровавое воскресенье мощными стачками и демонстрациями протеста, выдвигая чисто экономические требования.

19 января Николай II принял тщательно отобранную делегацию рабочих, полагая, что простой народ в действительности оставался верным царю и лишь был совращен городской интеллигенцией. Царь сказал делегатам: «Я знаю, что жизнь рабочего нелегка... но **имейте терпение**. Вы сами понимаете, что должны быть честными по отношению к своим хозяевам... Я верю в порядочные чувства рабочего человека и в их непоколебимую преданность мне, поэтому я прощаю вам вашу вину» (там же: 501).

IV. ЭКОНОМИКА

Чтобы понять предмет исследования, надо подойти к нему исторически. Это неоспоримый принцип научной методологии: время неделимо, три его модуса «прошлое», «настоящее», «будущее» — условности; прошлое в той или иной мере присутствует в настоящем.

Поместим «перестройку» как историческое событие, как это сделал в своих мифологизированных мемуарах А. Яковлев, в более широкий и глубокий исторический контекст происшедшего с Россией от Горбачева до царствования Николая II, чтобы (насколько это возможно) представить Происшедшее с нею в более правдивом, объективном, не ангажированном виде.

Вот что говорится о (якобы. — *И. И.*) «процветавшей» России в коллективной монографии «Россия в начале XX века», изданной в 2002 г. при поддержке Института «Открытое общество» (Фонд Сороса) (Россия в начале XX века ... , 2002). Издатель книги — Международный фонд «Демократия», президентом которого (при жизни) являлся А. Н. Яковлев. Опубликована монография под общей редакцией **А. Н. Яковлева**. Надо думать, он редактировал (мифологизировал) эту книгу и данную статью с особым тщанием...

В первой главе статьи «Динамика экономического роста» Ю. А. Петров пишет, что тезису «о глубокой отсталости и полукOLONиальной зависимости России, о неспособности царского правительства спасти страну от иноземной кабалы, от которой-де избавил народ Октябрьский переворот, в последнее время (уже 30 лет!.. — *И. И.*) активно противостоит не менее идеологизированный образ предреволюци-

онной России как страны всеобщего благоденствия, где разве что булки на деревьях не росли» (Петров, 2002: 168).

Так что же на самом деле происходило с экономикой царской России, которая, как известно, принадлежала к числу государств «догоняющего» типа экономического развития, вступила на путь индустриального роста позже ведущих стран Западной Европы и США?

Ю. А. Петров подтверждает некоторые оптимистические заявления Яковлева. Он пишет: «В результате бурного индустриального роста объем промышленного производства за 1887–1913 гг. вырос в 4,6 раза. Особенно динамично развивалась тяжелая промышленность: металлообработка и горнозаводская индустрия — металлургия, угле- и нефтедобыча. На изменения отраслевой структуры решающим образом повлияло широкое железнодорожное строительство 1860–1880-х гг., потребовавшее создания ряда новых отраслей. Гигантский скачок в своем индустриальном развитии Россия совершила в 1890-х гг., в период бурного экономического подъема. За десятилетие промышленное производство в стране удвоилось, причем более 60% прироста приходилось на долю нового промышленного района — Юга России» (Россия в начале XX века ... , 2002: 170).

По наблюдениям американского экономиста П. Грегори, темпы роста царской экономики были относительно высоки с точки зрения мировых стандартов конца XIX — начала XX в. Россия принадлежала к группе стран с наиболее быстро развивающейся экономикой, таких как США, Япония и Швеция. «По важнейшим экономическим показателям Россия значительно приблизилась к ведущим странам Запада. По абсолютным размерам добычи железной руды, выплавке чугуна и стали, объему продукции машиностроения, промышленному потреблению хлопка и производству сахара она вышла на четвертое-пятое место в мире, а в нефтедобыче на рубеже XIX–XX в. стала даже мировым лидером благодаря созданию Бакинского нефтепромышленного района. Протяженность российской железнодорожной сети являлась второй в мире, уступая только США» (там же).

Неплохая картина.

Но начнем наш анализ. Надо заметить, что взятое само по себе, в отрыве от исходной точки развития, понятие «темы роста» весьма обманное. Взять тот же объем промышленного производства, выросший в 4,6 раза... Звучит прекрасно. Но в начальный период индустриального развития (1887 г.) Россия была еще практически аграрно-феодальной страной. Всего 15 с небольшим лет прошло, как было отменено крепостничество — по сути дела рабовладельческий строй. То есть счет «разов» (4,6) темпов роста индустриализации начинается практически с нуля. Что же удивительного в том, что показатели этих темпов по различным отраслям промышленности удваивались, утраивались? Россия «догоняла» наиболее развитые страны не только потому, что быстро развивалась, но и потому, что в каждой стране существуют пределы роста экономики, обусловливаемые как случайными, так и объективными причинами. Например, падением объемов внутреннего потребления или объемов экспорта, а то и вместе взятыми. С какого-то момента, когда экономика в целом или ее отдельная отрасль достигают высокого уровня развития, темпы роста начинают замедляться, может произойти их спад, и до известного минимума это считается естественным.

Не забудем и о том, что образ предреволюционной России нужен был главному редактору этой монографии Яковлеву именно такой: «бурно развивающейся»,

«опережающей». Ведь в Политбюро ЦК КПСС (напомним читателю!) он отвечал за идеологию, а лучше сказать, за мифологию, т. е. манипуляцию сознанием советского народа: за уничтожение положительного образа СССР и создание образа «процветающей» царской России. И никто сегодня не скажет, к чему сводилась «редакция» академиком-экономистом¹ Яковлевым этой в общем-то хорошей статьи. В своих выступлениях и статьях он делал упор на определения «процветающая», «мощная», «бурно развивавшаяся» Россия, и потому в силу необходимости «лукавить» мог «не заметить» другие оценки, которые смазывали благостную картину ее экономического развития.

Вряд ли по душе Яковлеву был неоспоримый тезис того же Ю. А. Петрова о том, что в 1899–1903 гг. в России **разразился экономический кризис**, который «начался как кризис биржевой, но привел к краху ряд крупных дельцов, таких как строитель железных дорог П. Г. фон Дервиз и знаменитый меценат С. И. Мамонтов. Затем кризис распространился и на производящую сферу, особенно отразившись на отраслях тяжелой индустрии — металлургии, металлообработке и машиностроении, добыче и переработке нефти. Обострив до предела конкурентную борьбу, кризис вызвал гибель множества слабых в финансовом, организационном или техническом отношениях предприятий» (там же: 171).

В 1900–1903 гг. закрылись около 3 тыс. фабрик и заводов, не находивших сбыта своей продукции на внутреннем рынке. В 1904–1908 гг. кризис в экономике России сопровождался глубокой депрессией. Начался длительный застой (там же).

И только череда высоких урожаев в течение четырех лет подряд и, как следствие, увеличение валового сбора зерна вплоть до начала Первой мировой войны позволили России через шесть лет (в 1909 г.) выйти из кризиса, значительно увеличить экспорт зерновых и начать **новый промышленный подъем**, продолжавшийся вплоть до 1914 г. За 18 лет, благодаря нарастающим темпам развития экономики, Россия **сократила отставание** от Великобритании втрое, а от Германии — на четверть (там же).

Тем не менее разница оставалась еще очень значительной: накануне мировой войны Россия производила промышленной продукции в 2,6 раза меньше, чем Великобритания, и в 3 раза меньше, чем Германия (там же).

Доля России в мировом промышленном производстве среди передовых индустриальных держав была **самой низкой**: в 5,5 раза ниже, чем доля США, почти в 3 раза — чем доля Германии, в 2,7 раза — чем доля Великобритании. **С 1900 по 1913 г. (за 13 лет! — И. И.) доля России увеличилась всего на 0,3%.**

Необходимо заметить, что рост макропоказателей экономического развития во многом теряет свое значение, если этот процесс не сопровождается сдвигами при расчете промышленной продукции на душу населения.

Английские историки А. Милворд и С. Соул, как пишет Ю. А. Петров, отмечали в своем исследовании экономической истории континентальной Европы: «Россия была страной крайностей — в климате, в роскоши и в нужде, в примитивном сельском хозяйстве. Ее население было столь велико, что усилия, которые были бы успешными в других условиях, оказывали малое экономическое воздействие...» (там же: 173). Рост населения, и прежде всего сельского, сводил почти на нет успехи индустриализации. По производству промышленной продукции на душу населения Россия продолжала находиться на уровне Италии и Испании, уступая во много раз передовым индустриальным странам.

«И в начале XX в. Россия продолжала оставаться страной аграрно-индустриальной со значительным преобладанием сельскохозяйственного производства над промышленным. При этом и в сельском хозяйстве, где по ряду позиций (сборы пшеницы, ржи, льна, пеньки и др.) она занимала лидирующие позиции, производство продукции на душу населения было более низким, чем в целом ряде европейских аграрно-индустриальных и индустриально-аграрных (Великобритания, Германия) стран.

Следует иметь в виду, что, в отличие от западноевропейских государств, колониальные владения которых были отделены от метрополий морями, Россия представляла собой империю, в которой в едином государственно-территориальном комплексе оказались слиты метрополия и колонии, находившиеся на гораздо более низких стадиях развития. Около 9/10 промышленной и земледельческой продукции Российской империи приходилось на ее европейскую часть.

Однако и с этой поправкой следует признать, что Россия в начале XX в. только вступала в фазу перехода к индустриально-аграрному обществу» (там же).

Вдобавок к названным объективным фактам и цифрам, говорящим вовсе не о «процветавшей» России, приведу три высказывания государственных персон столь высокого ранга, что при всем желании их невозможно заподозрить в фальсификации. Крайне важно и то, что об одном и том же (об экономике, финансах и о состоянии социальных дел в России) эти персоны говорят в разное время с интервалом почти в десятилетия. Это позволяет судить о состоянии экономического развития страны по крайней мере за 25 лет.

17 марта 1899 г. на совещании министров, проходившем под председательством Николая II, министр финансов и «отец русской индустриализации» В. Н. Кокорцев, добившийся успехов в этом деле, говорил: «Если сравнивать потребление у нас и в Европе, то средний размер его на душу составляет в России четвертую или пятую часть того, что в других странах признается необходимым для обычного существования». Министр подчеркивал, что рост потребностей страны далеко опережает успехи ее промышленного развития (Бушков, 2002: 494).

Через 10 лет, в 1909 г., В. И. Гурко, заместитель министра внутренних дел, экономист и идеолог умеренно правых, которого монархисты тех лет называли «человеком редкого ума и исключительного образования», «украшением сановной русской бюрократии», в программной работе утверждал, что Россия проигрывает во всемирном соревновании, что она и до революции 1905 г. «занимала последнее место среди других мировых держав», после же революции «ее экономическое положение проявляется грозные признаки ухудшения; количество многих производимых страной ценностей уменьшается, удовлетворение главнейших народных потребностей понижается, государственные финансы приходят во все большее расстройство» (Гурко, 1909: 1).

Наконец, стоит процитировать сказанное самим императором Николаем II еще через 15 лет, в 1914 г., накануне Первой мировой войны. После поездки по России в 1913 г. царь отмечал, что, наряду со «светлыми явлениями» народной жизни, он видел также «печальную картину народной немощи, семейной нищеты и заброшенности хозяйств». Судя по высказываниям в связи с императорским заявлением, типа «русский народ надо извлечь из нищеты и невежества», темные стороны жизни явно доминировали над светлыми (Джунковский, 1997: 282–283).

Повторюсь: Россия, безусловно, не стояла на месте, развивалась. Но по важнейшим показателям, таким как национальный доход, заработная плата, обеспе-

ченность продуктами питания, уровень грамотности, продолжительность жизни и ряду других, Россия не только не опережала такие страны, как США, Германия, Великобритания, а отставала от них, да и некоторых других. И уж никак не «процветала», как утверждал в своих книгах, статьях и выступлениях мифотворец «перестройки» А. Яковлев.

Еще в марте 1856 г. царь Александр II говорил московскому дворянству: «Лучше, чтобы освобождение крестьян произошло свыше, **нежели снизу**» (Покровский, 1913: 74). «Опасение крестьянской **революции** не только существовало, но и могло быть аргументировано с достаточной полнотой» (там же), — говорится в обширной статье «Крестьянская реформа», размещенной в коллективной монографии «История России в XIX веке».

Ее автор М. Н. Покровский пишет: «**О степени эксплуатации крестьян можно судить по следующему донесению императору генерал-губернатора Игнатьева еще в 1853 году: “В Витебской губернии крестьяне почти не знают хлеба, питаются грибами и разными сырыми веществами, порождающими болезни; нищета страшная, а рядом роскошь помещиков; жизненные силы края совершенно истощены в нравственном и физическом отношениях, расслабление достигло крайних пределов”**» (там же: 75).

Далее М. Покровский сообщает, что количество восстаний в губернии с 1845 по 1853 г. выросло в четыре раза. В 1845–1849 гг. их было 172. В волнениях участвовали до 10 тыс. человек. Крестьяне вооружались: покупали ружья, порох, лили пули, перековывали лемеха на пики. Для подавления этого движения был выделен пехотный полк (там же: 76).

Всего один пример по одной из губерний царской России, но как много и страшно говорящий! И таким, с небольшими отличиями в лучшую, а то и худшую сторону, положение крестьян было во всей крепостной России. По этой теме существует огромная научная и художественная литература. Нужны ли обобщения? Для образованных и думающих людей, уверен, не нужны: данные, которые я привожу, были опубликованы еще при царствовавшем Николае II...

20 октября 1894 г. умер Александр III. Наследником на всероссийском троне, как уже говорилось, 20 октября 1894 г. стал его сын Николай II.

К. Рыжов отмечает, что Александр III — отец Николая II — **не обременял цесаревича государственными делами**. Цесаревич иногда появлялся на заседаниях Государственного совета, но взгляд его при этом постоянно устремлялся на часы. При первой же представившейся возможности **он удирал**.

Рассеянная жизнь гвардейского офицера привлекала его гораздо больше. Как и все Романовы, Николай питал любовь к **внешней стороне** военного дела. Смотры, парады, учения никогда его не утомляли. Он безропотно переносил неудобства армейских будней на лагерных сборах или маневрах. Подобно всем офицерам гвардии, Николай много времени отдавал светской жизни. Два или три раза в неделю присутствовал на балах (Рыжов, 2000: 446).

Ни для кого неожиданная смерть императора Александра III не была более значимой, чем для его сына — 26-летнего молодого человека, унаследовавшего его трон.

«Я увидел слезы в его глазах, — вспоминал великий князь Александр. — Он взял меня под руку и повел вниз, в свою комнату. Мы обнялись и заплакали оба. Он не мог собраться с мыслями. Он знал, что сейчас стал императором, и **тяжесть этого ужасного события сразила его**» (там же: 448).

Над всеми чувствами Николая верх взяло безмерное отчаяние. Он понимал, что со смертью отца уходит навсегда самая счастливая пора его жизни, что наступает время тревог и бесконечных забот.

«Сандро, что я должен делать? — восклицал он патетически. — Что же должно произойти со мной, с тобой... с Аликс, с матерью, со всей Россией? Я не готов быть царем. Я никогда не хотел быть им. Я ничего не понимаю в делах правления. У меня даже нет понятия, как разговаривать с министрами» (там же).

V. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

По определению советского историка академика М. Н. Покровского, в вопросах внешней политики Николай II отличался «драчливостью» (Покровский, 1923: XIII). Уже в ноябре 1896 г. он чуть не втянул Россию в войну за «турецкое наследство». По этому поводу царь собрал специальное совещание, в котором участвовали военный министр, начальник генштаба, руководители морского министерства, министерства иностранных дел, министр финансов С. Ю. Витте. Было принято решение, утвержденное Николаем II: «Готовить войска к войне». Против, как всегда, в сложных вопросах, выступил только С. Ю. Витте. Позднее оказалось, что Черноморский флот не сможет обеспечить эту крупную десантную операцию.

Но военный зуд у императора не прошел. Николаю II не давала покоя мысль о дальнейшем расширении территории Российской империи. Он обратил свои взоры в сторону Японии.

Причин Русско-японской войны можно назвать немало: достаточно заглянуть в увесистый том «Всемирная история войн». Однако нас интересует в данном случае не глобальный расклад межгосударственных противоречий и сил, а роль в этой войне Николая II.

Против войны с Японией опять-таки выступил С. Ю. Витте, который хорошо знал Дальний Восток: он руководил строительством КВЖД, основанием Русско-Китайского банка, неоднократно вел переговоры с китайцами и японцами по территориальным, политическим и финансовым вопросам. Прогнозы Витте были мрачными, но царь не хотел принимать их во внимание.

Военный министр А. Куропаткин, посетивший Японию с официальным визитом летом 1903 г., убедился в том, что японская армия не так слаба, как полагал Николай II; что война с Японией может быть губительной для России и по другим причинам, ибо задевала интересы США и некоторых европейских стран. Выводы Куропаткина также не встревожили царя.

Как известно, эту войну Россия трагически проиграла. Людские потери оказались колоссальными. Морская и в целом военная мощь страны была подорвана столь серьезно, что из категории мировых держав ей теперь предстояло долгие годы довольствоваться ролью лишь континентальной державы.

Разгром российского флота в Цусимском проливе Николай II в дневнике 17 мая 1905 г. охарактеризовал как «неудачный бой». По свидетельству начальника канцелярии министерства императорского двора генерала А. А. Мосолова, «вся свита царя была поражена безучастием императора по такому несчастию» (Мосолов, 1926: 125).

Россия к войне с Японией оказалась неподготовленной, командование поручалось бездарным генералам и адмиралам. «И не Россию разбили японцы, не рус-

скую армию, а наши порядки, или, правильной, наше мальчишеское управление 40-миллионным населением», — писал Витте (Витте, 1923: 337).

После тяжелого поражения России нависла реальная угроза над исконно русскими дальневосточными территориями. Япония придвинулась непосредственно к российской границе. Оживился Китай, считавший (и до сих пор считающий. — *И. И.*) дальневосточные и сибирские земли «своими».

Если проблема китайской экспансии отпала с момента победы Китая в войне с Японией и установления в этой стране с помощью СССР социалистического общественного строя, то царской России, а затем и Советскому Союзу предстояло более 40 лет держать свои вооруженные силы не только на западной, но и на восточной границе, т. е. до окончания Второй мировой войны, до победы СССР над Японией.

С уничтожением СССР совместными усилиями «пятой колонны» во главе с Яковлевым — творцом политической мифологии об СССР, и внешними врагами (США и их европейскими сателлитами) угроза реванша со стороны Японии возникла вновь.

Может, вспомнил, как в сентябре 1911 г. в Киеве застрелили стоявшего рядом с ним Столыпина, и испугался за себя?

Может, потому, что вечером 30 декабря 1916 г. был убит Распутин, «Друг», «советник», «любимец императрицы»?

Может, потому, что до Самодержца дошли слухи о том, что лидер партии октябристов, бывший председатель Первой Государственной думы, распущенной царем, и депутат III Думы Александр Иванович Гучков готовит военный заговор и государственный переворот против него, Самодержца?

Первая мировая война началась вопреки нежеланию со стороны Его Императорского Величества, но Россия была втянута в небывалое доселе вселенское побоище историческим водоворотом. И если бы Николай II даже обладал небывало сильной волей, его сопротивление было бы бессмысленным и бесполезным...

История Первой мировой войны изучается в школах и вузах, вряд ли стоит углубляться в эту сложную тему. Отметим главное: русская армия терпела поражение за поражением...

VI. САМАЯ КРУПНАЯ ОШИБКА

В августе 1915 г. Распутин добился снятия великого князя Николая Николаевича с поста Главнокомандующего вооруженными силами России. По его же совету Николай II возложил должность Верховного главнокомандующего на себя. Это стало **последней и роковой ошибкой царя**. Если прежде громоотводом для общества за провалы на фронте служили Генштаб, командующие фронтами, генералитет и другие фигуры, то теперь вся ответственность легла на царские плечи. Между тем воинскими талантами и доблестями полковник Николай II не был отмечен.

VII. ЗАГОВОР ПРОТИВ ЦАРЯ

А. И. Гучков², как и десятки крупных государственных и военных деятелей России, был дважды допрошен в июле — августе 1917 г. Чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства по поводу крупнейших событий, которые привели Россию к Февральской революции и отречению от престола Николая II. Показания А. И. Гучкова, который не был ни социалистом, ни славянофилом,

представляют огромную ценность с точки зрения широты взглядов этого умнейшего государственного и военного деятеля на историю и состояние дел в экономике, социальной и военной сферах в годы правления Николая II. Будучи Председателем I Государственной думы, он впервые с ее трибуны сказал вслух о существовании «безответственных сил», радикально влияющих на высшую власть в целом, начиная с царя (Распутин, Вырубова (Танеева), Танеев, Андроников). Царь и царица после этого объявили его врагом, а тех, кто разделял его взгляды, «подозрительными лицами».

Выходом из критического положения, сложившегося в стране во всех сферах, в том числе в отношениях между обществом и властью начиная с царя, по мнению А. Гучкова, были «либо путь реформ, либо переворот» (Падение царского режима ... , 1926: 240). Далее он говорит: «Я еще до физической смерти Столыпина изверился в возможности мирной эволюции России... Для меня становилось все яснее, что Россия ходом вещей будет вытолкнута на второй путь — путь насильственного переворота, разрыва с прошлым. <...> Нужно было встать на путь государственного переворота» (там же: 248, 260).

Гучков выдвинул идею отречения Николая II от престола, возглавил подготовку госпереворота, т. е. заговор, ориентируясь в основном на генералитет. При этом он не покушался на монархический строй: «...хотел перейти от него к новому с возможным смягчением, мне хотелось поменьше жертв, поменьше кровавых счетов. <...> надо идти решительно и круто, идти в сторону смены носителя верховной власти. <...> Тогда, 1 марта, в думском комитете я заявил, что, если мне будут даны полномочия от думского комитета, я готов сделать это на свой страх и риск, поеду, как политический деятель, как русский человек, и буду советовать, буду настаивать, чтобы этот шаг был сделан» (там же: 262–263).

VIII. ОТРЕЧЕНИЕ

23 февраля 1917 г. началась Февральская «буржуазно-демократическая» революция.

На улицы Петербурга с лозунгами «Хлеба! Мира!» от Путиловского завода, постепенно накапливаясь численно, вышли многие десятки тысяч рабочих.

25 февраля в Питере бунтовали уже 240 тыс. человек. Волнения начались и в войсковых частях: солдаты убивали своих офицеров и становились на сторону восставших. С каждым днем все более осложнялась ситуация.

В ночь с 27 на 28 февраля создается Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов, который объявляет о том, что он берет на себя управление Петроградом.

Председатель Госдумы Родзянко шлет царю в Ставку одну за другой отчаянные телеграммы.

В ответ Николай II приказал коменданту Петрограда навести порядок, а Родзянко — не паниковать. И неожиданно **распускает Думу**.

Лидеры партий думских фракций создали Исполнительный комитет для взаимодействия с Петроградским советом рабочих и солдатских депутатов и наведения порядка в стране.

Следует заметить, что не раз цитированный мною С. Ю. Витте был убежденным монархистом. На всех должностях, которые доверял ему Николай II (министр финансов, Председатель Совета министров (октябрь 1905 — апрель 1906), Витте

делал все для спасения монархии. Так же, как и А. И. Гучков, возглавлявший военный заговор ради смещения Николая II — при обязательном сохранении монархии.

В ночь с 1 на 2 марта, собираясь на встречу с царем в Пскове, он говорил на заседании Временного исполнительного комитета Госдумы: «Надо, прежде всего, думать о том, чтобы **спасти монархию. Без монархии Россия не может жить.** Но, видимо, нынешнему государю царствовать больше нельзя» (Шульгин, 1989: 126).

Дума принимает решение, что Николай II должен отречься от престола и определить наследника.

Депутат Государственной думы А. И. Гучков вызвался вместе с депутатом Госдумы Шульгиным поехать в Псков к царю, чтобы вырвать у него акт об отречении от престола.

Когда Гучков и Шульгин передали Николаю II в Пскове заготовленный в Думе текст Акта об отречении, царь сказал, что у него уже имеется свой вариант: о решении Госдумы и миссии Гучкова и Шульгина его известил по «прямому проводу» председатель уже распущенной Думы Родзянко. Николай II тут же поручил начальнику Генерального штаба Верховного главнокомандующего генералу М. В. Алексееву запросить мнение командующих фронтами по поводу отречения царя от престола. **Все двадцать один командующий, как и сам Алексеев, высказались единогласно «за» отречение.**

Удалившись часа на полтора, как пишет Гучков, царь вернулся с опечатанным на машинке и слегка поправленным текстом Акта об отречении от престола с рукописной подписью «Николай».

Итак, 2 (15) марта 1917 г. Николай II подписал акт об отречении от престола.

Царь понял, что в России свершилась революция; что он лишился поддержки армии; что даже войска, вызванные с фронта для подавления «беспорядков», отказались повиноваться, а командующие фронтами не подчинятся ему — Главнокомандующему...

В тот же день Николай II оправил две телеграммы председателю Государственной думы Родзянко:

«Председателю Государственной Думы. Петроград. Нет той жертвы, которую я не принес бы во имя действительного блага и для спасения родной матушки России. **Посему я готов отречься от престола** в пользу моего сына с тем, чтобы он оставался при мне до совершеннолетия, при регентстве брата моего великого князя Михаила Александровича. Николай».

Телеграмма Николая II начальнику штаба Верховного главнокомандующего ген. Алексееву.

«Наштаверх. Ставка.

Во имя блага, спокойствия и спасения горячо любимой России я готов **отречься от престола в пользу моего сына.**

Прошу всех служить ему верно и нелицемерно. Николай».

Не получилось...

Тогда Николай II решил передать наследование своему брату — великому князю Михаилу. Но тот отрекся от престола...

Российская монархия рухнула...

Мария Федоровна, мать царя, узнав об отречении, сначала пришла в ярость и отчаяние, но затем бросилась в Ставку утешать сына. Встретившись на перроне,

они долго стояли на февральском ветру, обнявшись, а потом медленно ушли от сторонних взглядов в соседний сарай.

О чем в последний раз в жизни говорили мать и сын, неизвестно, но позже Мария Федоровна записала в дневнике: «Ники был неслыханно спокоен и величествен в этом ужасно унижительном положении».

Вот уж когда воистину пригодилась царю черта характера, которую (по словам немецких историков) Николай развил в себе: «способность сохранять спокойствие и самоконтроль... в экстремальных ситуациях...» (Русские цари, 1997: 490).

Вскоре было создано Временное правительство, а параллельно с ним продолжал действовать Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов...

Через несколько месяцев произошла Великая Октябрьская социалистическая революция.

Затем началась Гражданская война...

Что можно сказать в завершение отрывочного повествования о последнем императоре Николае II? А. П. Извольский считает, что он обладал слабым и изменчивым характером. Однако, по его мнению, во время событий 1905 г. эта величайшая его слабость спасла монархию. Революционное движение, которое широко развернулось в России еще после Русско-японской войны, в действительности началось значительно раньше. Это движение, подавляемое в течение 13 лет Александром III, неизбежно должно было порвать пути даже во время железного правления этого государя.

«Но в то время как Николай II, подчиняясь неизбежному, отсрочил катастрофу, даровав хартию 30 октября 1905 г., непреклонная воля Александра III, вероятнее всего, не склонилась бы перед вихрем событий, что повело бы монархию к гибели. <...>

Двенадцатью годами позже Николай II, действуя под руководством реакционной партии, погиб, потому что он попытался бороться с силами, которым не мог противостоять.

Действительной причиной падения монархии в России является безрассудное стремление этой партии воскресить и упрочить в двадцатом веке — перед лицом необходимости создать новый строй — анахронизм самодержавной власти... «наиболее опасной из всех видов власти», так как это ставит судьбу миллионов людей в зависимости от величия ума и души одного человека. Николай II не обладал «величием ума и души», которые необходимо было противопоставить домогательствам монархистов, и это вызвало катастрофу» (Извольский, 1924).

Несоответствие масштаба личности Николая II тем грандиозным государственным задачам и сложнейшим событиям — двум войнам и трем революциям сыграло роковую роль для российской монархии. Будь на его месте более сильный правитель, возможно, монархия еще протянула бы некоторое время. Но в принципе судьба ее была предрешена...

...В силу сложившихся в России обстоятельств в ночь с 16 на 17 июля 1918 г. Николай II и его семья без всякого суда были расстреляны...

Но может ли это служить основанием для того, чтобы оправдывать теперь все ошибки, а по сути своей — преступления, совершенные самим Николаем II?

Стоит напомнить пророческие слова великого русского писателя Льва Николаевича Толстого, сказанные им 16 января 1902 г. в открытом письме царю: «Самодержавие есть форма правления отжившая... И потому поддерживать эту форму

правления... можно только... посредством всякого насилия. <...> Мерами насилия можно угнетать народ, но нельзя управлять им» (Толстой, 1985: 505).

Читатель, вероятно, заметил, что в своем кратком очерке, опираясь на воспоминания (а лучше сказать — свидетельские показания) выдающихся людей того времени, достаточно хорошо, а то и близко знавших Николая II, я в основном рисовал психологический и политический портрет личности Его Величества в интерьере сложных, драматических и трагических, но далеко не всех событий, в центре которых находился этот человек, получивший в истории два прозвища: царь «Кровавый» и царь «Мученик».

Если Россия «цвела» и «благоухала», если «лавки ломались от товаров», «народ был сыт, обут и одет», а ведь именно это утверждает в своих трудах выдающийся мифотворец А. Яковлев, — тогда почему в России в годы правления Николая II случилась серия бунтов и восстаний, произошли три революции (1905 г., Февральская и Октябрьская 1917 г.), да еще и военный заговор против царя?

Грубо, очень грубо «лукавит» Яковлев.

Имя «Кровавый», и на мой взгляд, Николай II вполне заслужил.

Имя «Мученик» справедливо лишь в том смысле, что управление Россией было для него настоящей мукой в силу отсутствия достаточных ума, воли, знаний и способностей для управления огромной страной в один из самых сложных моментов ее истории. Он не управлял страной, а именно мучил ее несомаштабностью его личности тем огромным и сложным задачам, выпавшим на его долю...

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Вообще-то очень странно, что Яковлев стал академиком Академии наук СССР по разделу «экономика»: ведь он не то что директором завода или колхоза, слесарем-сантехником ни дня не работал; не то что монографию по экономическим вопросам, даже махонькой статейки не написал. А вот как сломать экономику огромной страны — придумал...

² А. И. Гучков — председатель Первой Государственной думы, распущенной Николаем II; депутат III Государственной думы до ее роспуска царем в канун Февральской революции 1917 г.; председатель Военно-промышленного комитета России; член Государственного совета.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Богданович, А. В. (1990) Три последних самодержца : [Дневник] / [предисл. А. Боханова, с. 5–23]. М. : Новости. 604, [2] с.

Бушков, А. А. (1997) Россия, которой не было: Загадки, версии, гипотезы / [послел. А. М. Буровского]. М. : ОЛМА-пресс. 606, [2] с.

Витте, С. Ю. (1923) Воспоминания. М. ; Петроград : Гос. изд-во. Т. 1. Царствование Николая II. XLVII, 471 с.

Витте, С. Ю. (1924) Воспоминания. М. ; Петроград : Гос. изд-во, 1923–1924. Т. 3. Детство. Царствования Александра II и Александра III (1849–1894). XVI, 395 с.

Витте, С. Ю. (1991) Избранные воспоминания, 1849–1911 гг. М. : Мысль. 718, [1] с.

Вырубова, А. А. (1923) Страницы из моей жизни. [Б. м. : б. и.]. 199 с.

Главный противник : документы американской внешней политики и стратегии 1945–1950 гг. (2006) : пер. с англ. / сост. и авт. вступ. ст. И. М. Ильинский. М. : Изд-во Московского гуманитарного ун-та. 501 с.

Гурко, В. И. (1909) Наше государственное и народное хозяйство : Докл., представл. 5 Съезду уполномоченных объедин. дворян. о-в. СПб. : Лештук. паровая скоропеч. П. О. Яблонского. XIV, 243 с.

Джунковский, В. Ф. (1997) Воспоминания : в 2 т. / В. Ф. Джунковский ; под общ. ред. А. Л. Паниной. 1997–2015. Т. 2. М. : Изд-во им. Сабашниковых. 685, [1] с.

Извольский, А. П. (1924) Воспоминания / пер. с англ. А. Сперанского ; предисл. Л. Нежданов. Петроград ; М. : Петроград. 191, [1] с.

Мосолов, А. А. (1992) При дворе последнего императора: Записки начальника канцелярии министра двора : [О Николае II]. СПб. : Наука : Санкт-Петербург. отд-ние. 261, [1] с.

Падение царского режима : Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного Правительства / ред. П. Е. Щеголева. Ленинград : Гос. изд-во, 1924–1927.

Падение царского режима : Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного Правительства (1926) Ленинград : Гос. изд-во, 1924–1927. Т. 6. Допросы и показания: гр. П. Н. Игнатъева, гр. С. И. Велепольского, Н. В. Плеве, А. Н. Хвостова, А. А. Рейнбота (Резвого), кн. В. М. Волконского, И. Н. Лодыженского, Н. Е. Маркова, А. А. Нератова, А. Н. Веревкина, А. И. Гучкова, П. Н. Милюкова, Д. Н. Дубенского. Ленинград : Гос. изд-во. 415 с.

Палеолог, М. (1991) Царская Россия накануне революции : [пер.; предисл. В. Г. Сироткина, с. 5–21]. М. : Новости. 652, [2] с.

Петров, Ю. А. (2002) Российская экономика в начале XX века // Россия в начале XX века. Исследования / А. Н. Сахаров, А. Н. Боханов, Л. С. Гатагова [и др.]; под общ. ред. А. Н. Яковлева. М. : Новый хронограф. 744 с.

Пирогов, В. В. (2021) Ангелы и демоны российской власти. Монархи и фавориты. М. : Вече. 400 с.

Покровский, М. Н. (1923) Предисловие // Витте, С. Ю. Воспоминания. М. ; Петроград : Гос. изд-во. Т. 1. Царствование Николая II. XLVII, 471 с.

Покровский, М. Н. (1926) Крестьянская реформа. Харьков : Пролетарий. 148 с.

Радциг, Е. (1999) Николай II в воспоминаниях приближенных // Новая и новейшая история. №2. С. 134–148.

Романов, П. В. (2014) Преемники: от царей до президентов. СПб. : Амфора. 350, [1] с.

Россия в начале XX века. Исследования (2002) / А. Н. Сахаров, А. Н. Боханов, Л. С. Гатагова [и др.]; под общ. ред. А. Н. Яковлева. М. : Новый хронограф. 744 с.

Русские цари, 1547–1917 (1997) [сборник : пер.] / под ред. Х.-И. Торке ; [ред. С. В. Пономарева]. Ростов н/Д : Феникс ; М. : Зевс. 572, [1] с.

Рыжов, К. В. (2000) Все монархи мира. Россия : 600 крат. жизнеописаний. М. : Вече. 575 с.

Толстой, А. Н. (1985) Собр. соч. : в 22 т. / редкол.: М. Б. Храпченко (гл. ред.) [и др.]; коммент. А. В. Чичерина. М. : Художественная литература, 1978–1985. Т. 22. Дневники, 1895–1910 [сост. и коммент. А. И. Шифмана]. 559 с.

Ферро, М. (1991) Николай II : [пер.]. М. : Междунар. отношения. 349, [1] с.

Хереш, Э. (1998) Николай II. Ростов н/Д : Феникс. 403, [2] с.

Черная книга коммунизма: Преступления, террор, репрессии: [95 млн жертв] (1999) / Стефан Куртуа, Никола Верт, Жан-Луи Панне и др. ; [отв. ред. И. Ю. Белякова] ; [пер. с фр. Е. Л. Храмов (рук.) и др.]. М. : Три века истории. 766 с.

Шульгин, В. В. (1989) Дни; 1920 : [Записки] / [вступ. ст. Д. Жукова, с. 3–72]. М. : Современник. 557, [2] с.

Яковлев, А. Н. (2003) Сумерки. М. : Материк. 687 с.

Дата поступления: 05.06.2024 г.

ANTI-MYTH OF “SAINT MARTYR CZAR NICHOLAS II” AND HIS REIGN

I. M. ILINSKY

MOSCOW UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES

The paper studies the personality and political activity of the last Emperor of Russia Nicholas II. The author aims to dispel the myth of Nicholas II as a virtuous ruler who led the country to

prosperity but was killed as a martyr by Bolshevik revolutionaries. As demonstrated by the author, the Russian Emperor was actually a weak-willed person, not naturally capable of ruling the country. The paper recreates a psychological portrait of Nicholas II, scrutinises the peculiarities of his domestic and foreign policy. It is shown that in general the empire under this monarch was not at all at the zenith of its economic and political power. Therefore, the downfall of the House of Romanov was in a sense of a logical nature.

Keywords: Russia; Russian Empire; House of Romanov; Nicholas II; Russian revolution

REFERENCES

- Bogdanovich, A. V. (1990) *Tri poslednikh samoderzhtsa : Dnevnik* / preface by A. Bokhanov. Moscow, Novosti. 604, [2] p. (In Russ.).
- Bushkov, A. A. (1997) *Rossia, kotoroi ne bylo: Zagadki, versii, gipotezy* / afterwards by A. M. Burovsky. Moscow, OLMA-press. 606, [2] p. (In Russ.).
- Vitte, S. Iu. (1923) *Vospominaniia*. Moscow ; Petrograd : Gos. izd-vo. Vol. 1. Tsarstvovanie Nikolaia II. XLVII, 471 p. (In Russ.).
- Vitte, S. Iu. (1924) *Vospominaniia*. Moscow ; Petrograd : Gos. izd-vo, 1923–1924. Vol. 3. Detstvo. Tsarstvovaniia Aleksandra II i Aleksandra III (1849–1894). XVI, 395 p. (In Russ.).
- Vitte, S. Iu. (1991) *Izbrannye vospominaniia, 1849–1911 gg.* Moscow, Mysl'. 718, [1] p. (In Russ.).
- Vyrubova, A. A. (1923) *Stranitsy iz moei zbizni*. [B. m. : b. i.]. 199 p. (In Russ.).
- Glavnyi protivnik : dokumenty amerikanskoi vnesheinei politiki i strategii 1945–1950 gg.* (2006) : transl. from English. / comp. by I. M. Il'inskiĭ. Moscow, Moscow Univ. for the Humanities. 501 p. (In Russ.).
- Gurko, V. I. (1909) *Nashe gosudarstvennoe i narodnoe khoziaistvo : Dokl., predstavl. 5 S' ezdu upolnomochennykh ob' edin. dvorian. o-v.* St.-Petersburg, Leshtuk. parovaia skoropech. P. O. Iablonskogo. XIV, 243 p. (In Russ.).
- Dzhunkovskii, V. F. (1997) *Vospominaniia* : in 2 vols. / ed. by A. L. Panina. 1997–2015. Vol. 2. Moscow, Sabashnikovy Publ. 685, [1] p. (In Russ.).
- Izvol'skii, A. P. (1924) *Vospominaniia* / transl. from English by A. Speransky ; preface by L. Nezhdanov. Petrograd ; Moscow : Petrograd. 191, [1] p. (In Russ.).
- Mosolov, A. A. (1992) *Pri dvore poslednego imperatora: Zapiski nachal' nika kantseliarii ministra dvora : [O Nikolae II]*. Saint-Petersburg, Nauka : Sankt-Peterburg. otd-nie. 261, [1] p. (In Russ.).
- Padenie tsarskogo rezhima : Stenograficheskie otchety doprosov i pokazanii, dannyykh v 1917 g. v Chrezvychainoi sledstvennoi komissii Vremennogo Pravitel'stva* / rd. by P. E. Shchegoleva. Leningrad, State Publ., 1924–1927. (In Russ.).
- Padenie tsarskogo rezhima : Stenograficheskie otchety doprosov i pokazanii, dannyykh v 1917 g. v Chrezvychainoi sledstvennoi komissii Vremennogo Pravitel'stva (1926)* Leningrad : Gos. izd-vo, 1924–1927. Vol. 6. *Doprosy i pokazaniia: gr. P. N. Ignat'eva, gr. S. I. Velepolskogo, N. V. Pleve, A. N. Khostova, A. A. Reinbota (Rezvogo), kn. V. M. Volkonskogo, I. N. Lodyzhenskogo, N. E. Markova, A. A. Neratova, A. N. Verevkina, A. I. Guchkova, P. N. Miliukova, D. N. Dubenskogo.* Leningrad, State Publ. 415 p. (In Russ.).
- Paleolog, M. (1991) *Tsarskaia Rossiia nakanune revoliutsii* / transl. and preface by V. G. Sirotkin. Moscow, Novosti. 652, [2] p. (In Russ.).
- Petrov, Iu. A. (2002) *Rossiiskaia ekonomika v nachale XX veka // Rossiia v nachale XX veka. Issledovaniia* / A. N. Sakharov, A. N. Bokhanov, L. S. Gatagova et al. ; ed. by A. N. Iakovlev. Moscow, Novyi khronograf. 744 p. (In Russ.).
- Pirogov, V. V. (2021) *Angely i demony rossiiskoi vlasti. Monarkhi i favority*. Moscow, Veche. 400 p. (In Russ.).
- Pokrovskii, M. N. (1923) Predislovie. In: Vitte, S. Iu. *Vospominaniia*. Moscow ; Petrograd : State Publ. Vol. 1. Tsarstvovanie Nikolaia II. XLVII, 471 p. (In Russ.).

- Pokrovskii, M. N. (1926) *Krest'ianskaia reforma*. Khar'kov : Proletarii. 148 p. (In Russ.).
- Radtsig, E. (1999) Nikolai II v vospominaniikh priblizhennykh. *Novaia i noveisbaia istoriia*, no. 2, pp. 134–148. (In Russ.).
- Romanov, P. V. (2014) *Preemniki: ot tsarei do prezidentov*. St.-Petersburg, Amfora. 350, [1] p. (In Russ.).
- Rossia v nachale KbKb veka. Issledovaniia* (2002) / A. N. Sakharov, A. N. Bokhanov, L. S. Gtagova et al. ; ed. by A. N. Iakovlev. Moscow, Novyi khronograf. 744 p. (In Russ.).
- Russkie tsari, 1547–1917* (1997) / ed. by Kh.-I. Torke ; S. V. Ponomareva. Rostov-on-Don, Feniks ; Moscow, Zevs. 572, [1] p. (In Russ.).
- Ryzhov, K. V. (2000) *Vse monarkhi mira. Rossiia : 600 krat. zbizneopisaniia*. Moscow, Veche. 575 p. (In Russ.).
- Tolstoi, L. N. (1985) *Sobr. soch. : in 22 vols.* / ed. by M. B. Khrapchenko (gl. red.) [i dr.] ; comment. by A. V. Chicherin. Moscow, Khudozhestvennaia literatura, 1978–1985. Vol. 22. *Dnevnik, 1895–1910* [comp. and comment. by A. I. Shifmana]. 559 p. (In Russ.).
- Ferro, M. (1991) *Nikolai II*. Moscow, Mezhdunar. otnosheniia. 349, [1] p. (In Russ.).
- Kheresh, E. (1998) *Nikolai II*. Rostov-on-Don, Feniks. 403, [2] p. (In Russ.).
- Chernaia kniga kommunizma: Prestupleniia, terror, repressii: [95 mln zhertv]* (1999) / Stefan Kurtua, Nikolai Vert, Zhan-Lui Panne et al. ; ed. by I. Iu. Beliakova ; transl. from French by E. L. Khramov et al. Moscow, Tri veka istorii. 766 p. (In Russ.).
- Shul'gin, V. V. (1989) *Dni; 1920 : Zapiski* / intr. article by D. Zhukov. Moscow, Sovremennik. 557, [2] p. (In Russ.).
- Iakovlev, A. N. (2003) *Sumerki*. Moscow, Materik. 687 p. (In Russ.).

Submission date: 05.06.2024.

Ильинский Игорь Михайлович — доктор философских наук, профессор, ректор Московского гуманитарного университета. Адрес: 111395, Российская Федерация, г. Москва, ул. Юности, 5. Тел.: +7 (499) 374-78-78. Эл. адрес: iilinskiy@mosgu.ru

Iilinsky Igor Mikhailovich, Doctor of Philosophy, Professor, Rector, Moscow University for the Humanities. Postal address: 5, Yunosti St., Moscow, Russian Federation, 111395. Tel.: +7 (499) 374-78-78. E-mail: iilinskiy@mosgu.ru